В ЗАВЕЩАНИИ ОН ПРОСИЛ НЕ ХОДИТЬ НА КЛАДБИЩЕ, НЕ ТОПТАТЬ ЧУЖИХ МОГИЛ

Известия – 3 стр.

ФОТО: АНАТОЛИЙ БЕЛОНОГОВ

- 2004 -
- с. 10.

Завтра исполняется 80 лет со дня рождения известного писателя Виктора Астафьева. Повести «Кража», «Последний поклон», «Царь-рыба», роман «Прокляты и убиты» сделали автора классиком еще при жизни. АНАТОЛИЙ ПРИСТАВКИН, ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР И АНДРЕЙ БИТОВ рассказали о своих встречах с Виктором Астафьевым корреспонденту «Известий» НАТАЛЬЕ КОЧЕТКОВОЙ.

АНАТОЛИЙ ПРИСТАВКИН: ОН СВОЮ ПРЕМИЮ ПОЛОЖИЛ В ЦЕЛЛОФАНОВЫЙ МЕШОЧЕК

— Это один из самых замечательных писателей, которых я лично знал, удивительный, честный до предела перед собой, перед людьми и перед литературой. Начиная с его первой повести шло восхождение человека, который и в жизни прошел поразительно трудный путь. Он работал на Урале в тяжелейших условиях, там схоронил ребенка. Он жил далековато, поэтому мы встречались в Москве. Встреч было не много, но они запомнились. Как-то я пришел поздравить Астафьева с вручением премии в Кремль, но знал, что он будет окружен почитателями, чиновниками, женщинами, и особенно не надеялся прорваться. И вдруг ко мне подходит его сопровождающий и говорит, что Астафьев меня ищет. Я к нему подошел, и он мне говорит: «Давайте посидим и поговорим о жизни». Сопровождающий сказал, что скоро самолет, на что Астафьев ответил: «Самолет подождет». Он прочел мою повесть «Ночевала тучка золотая». Ведь это у него было торжество, его награждали, а он мне начал выдавать свои словесные премии о моей повести. Это было очень трогательно. К нему несколько раз подходили и говорили про самолет, а он отвечал: «Когда еще с писателем встречусь». Он свою премию положил в целлофановый мешочек — из него торчали цветы, а внизу были деньги. «Это, — говорит, — на будущую мою книжку». Я ему говорю: «Так вы же потеряете дорогой». А он ответил: «Ну, что вы, я хитрый — я когда сяду в самолет, то отдам деньги летчику, он мне сбережет их до посадки». Потом были другие встречи. Он оставил потрясающее завещание с просьбой не ходить на кладбище и не топтать чужие могилы. Астафьев очень беспокоился о сибирских цветах. У меня сохранилась открыточка, им подаренная, где Астафьев держит маленький-маленький цветочек. Он сам как цветок, который вырос на сибирской скале, и заменить, повторить его нельзя. Огромная потеря для культуры и литературы.

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР: ОН ГОРОЙ ВСТАЛ ЗА МОЕ «ДЕРЕВО ДЕТСТВА»

— Виктор Астафьев отличался необыкновенной социальной остротой и смелостью в описании войны, великолепно знал природу Сибири и вдохновенно описывал ее. Он был великолепным знатоком народной жизни. Создал ряд незабываемых характеров, которые навсегда останутся в литературе. Его произведения, написанные своеобразным, нервным, темпераментным языком, всегда узнаваемы. Я несколько раз встречался с ним, несмотря на резкость тона его художественных произведений, в жизни он показался мне очень тонким и дружелюбным человеком. Это заставило меня еще больше полюбить его. Впервые мы встретились по поводу каких-то торжеств: мы пили вино, разговаривали, и тогда он мне показался человеком в жизни очень деликатным. Я помню, что в журнале, где он был членом редколлегии, шла моя вещь «Дерево детства». Не знаю, как другие относились к ней, но он горой встал за нее и пробил. Когда он тяжело заболел, то находился почти что в нищете, и насколько я знаю, власти не соизволили подумать о нем и помочь ему в эти труднейшие дни.

АНДРЕЙ БИТОВ: ВОТ ТАК МЫ И РАЗОШЛИСЬ: ОН ПРОСТО УМЕР, А Я ПРОСТО ЖИВ

— Я познакомился с Виктором лет сорок назад и встречался на протяжении жизни еще раза три-четыре. Тем не менее наши отношения все эти сорок лет длились. Я был его читателем в какой-то мере, не знаю, в какой мере он был моим. Когда ему давали премию «Триумф», в жюри которой я состою, то меня выпихнули говорить о нем приветственную речь при вручении. Не зная что сказать, я сказал приблизительно вот что: «На этот раз премия дается русскому писателю именно за то, что он русский. Только настоящий русский писатель знает, каково это, простоять в двух размывающих потоках либерального террора и патриотизма и остаться самим собой». Что прежде всего удовлетворяло меня в Астафьеве — это безусловная честность и удивительная память. Только такой человек мог написать «Царь-рыбу». Когда я читал эту повесть, я заглянул в конец и увидел там раскавыченную цитату из, кажется, Апокалипсиса. При встрече я ему сказал: «Виктор, что ж такое, ты без кавычек даешь библейские тексты». Правда, иначе они не прошли бы цензуру, но он говорит: «Эти слова мне показались моими». И когда я прочитал всю «Царь-рыбу», я понял, что он был прав — это уже были его слова. Сделав такое вызывающее заявление, что премия дается русскому писателю, когда уже все разошлись по фуршету, по рюмкам, я проходил мимо Залыгина и Астафьева. Они почему-то стояли, как певцы, около рояля. Я услышал краем уха — они не подозревали, что я прохожу мимо, — как Астафьев говорит Зальгину: «Слушай, как может Битов понимать это?». Я усмехнулся и вспомнил, что на последней встрече, на каком-то зальгинском пароходе Астафьев мне сказал: «Слушай, Андрей, ну почему ты не можешь писать просто?». Вот так мы и разошлись: он просто умер, а я просто жив.